

Кант в России

Kant in Russia

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-299-314>

EDN: XMTGTM

Научная статья / Research Article

Борьба с кантианским естественным правом в России 20-х годов XIX века и российская политическая ситуация 20-х годов XXI века

А.Н. Круглов

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6
 akrouglov@mail.ru

Аннотация. Рецепция кантовской трансцендентальной философии в России за два с половиной столетия сопровождалась различной критикой с целью ее дополнения, расширения, исправления или опровержения. Но помимо собственно академического спора случилось несколько эпизодов грубого государственного вмешательства в философскую полемику, сопровождавшуюся административными рестрикциями от высылки из России И.В.Л. Мельмана до лишения Сталинской премии третьего тома «Истории философии». Первой масштабной административной интервенцией с политическими последствиями явилась ожесточенная борьба с кантианским естественным правом, разгоревшаяся под влиянием М.Л. Магницкого и Д.П. Рунича в российских университетах и иных учебных заведениях в 20-х гг. XIX в. Кантиански ориентированное естественное право, наделяемое дьявольскими чертами, было обвинено в отказе от выведения правового фундамента из Откровения, несоответствии евангельскому учению, рассмотрении падшего разума как независимого источника законодательства, безнравственности права и подрыве самодержавия и православия. Хотя полного запрета на естественное право наложено не было, многие его сторонники — А.П. Куницын, Г.И. Солнцев, П.Д. Лодий и другие. — были изгнаны из университетов или подверглись преследованиям. Борьба за запрет естественного права явилась прологом осуществленного в 1850 г. запрета на преподавание философии в российских университетах. Современные высокопоставленные российские военные и чиновники, дающие свои невежественные оценки кантовской философии как захваченной «нечистой силой» и милитаристские интерпретации категорического императива, движутся уже неоднократно пройденным в российской философии печальным путем, хотя еще и без административных рестрикций, но уже с несомненными политическими последствиями.

© Круглов А.Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: Кант, Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, М.Л. Магницкий, Д.П. Рунич

Информация о финансировании и благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 24-28-01134 «Классическая немецкая философия права и российская философско-правовая современность».

История статьи:

Статья поступила 23.01.2024

Статья принята к публикации 31.01.2024

Для цитирования: Круглов А.Н. Борьба с кантианским естественным правом в России 20-х годов XIX века и российская политическая ситуация 20-х годов XXI века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 299–314. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-299-314>

The Struggle against Kant's Natural Law in Russia in the 20s of the 19th Century and the Russian Political Situation in the 20s of the 21st Century

Alexei N. Krouglov

Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Sq., 125047, Moscow, Russian Federation

 akrouglov@mail.ru

Abstract. The reception of Kant's transcendental philosophy in Russia over two and a half centuries was characterised by various criticisms with the aim of supplementing, extending, correcting or refuting it. In addition to this academic dispute, there were several episodes of rude government interference in philosophical polemics. It entailed administrative restrictions ranging from the expulsion from Russia of J. W.L. Mellmann to the deprivation of the Stalin Prize for the third volume of the "History of Philosophy" accompanied this interference. The first significant administrative intervention with political consequences was a fierce struggle against Kantian natural law. The campaign began under the influence of M. L. Magnitsky and D.P. Runich in Russian universities and other educational institutions in the twenties of the 19th century. The Kantian-oriented natural law, endowed with "devilish attributes", was accused of refusing to derive the legal foundation from Revelation, inconsistency with the Evangelical teaching, consideration of fallen reason as an independent source of legislation, and immorality of law and undermining autocracy and Orthodoxy. Although the natural law was not completely abandoned, many of his proponents, such as A.P. Kunitsyn, G.I. Solntsev, P.D. Lodi, etc., were expelled from universities or persecuted. The struggle to ban the natural law was a prologue to prohibit the teaching of philosophy in Russian universities, which occurred in 1850. Today, there are senior Russian military officers and officials who give similar ignorant assessments of Kantian philosophy as being invaded by "evil force" and offered militaristic interpretations of the categorical imperative. They follow the same sad path that is already well-known in Russian philosophy. Their statements do not yet entail administrative restrictions, but they already have undoubted political consequences.

Keywords: Kant, Kazan University, Saint Petersburg University, M.L. Magnitsky, D.P. Runich

Funding and Acknowledgement of Sources. The research was supported by the Russian Academy of Sciences, grant No. 24-28-01134 “Classical German Philosophy of Law and Russian philosophical and Legal modernity”.

Article history:

The article was submitted on 23.01.2024

The article was accepted on 31.01.2024

For citation: Krouglov AN. The Struggle against Kant’s Natural Law in Russia in the 20s of the 19th Century and the Russian Political Situation in the 20s of the 21st Century. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):299–314. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-2-299-314>

Кантовская философия в современной российской политической действительности: новейшие тренды

За два с половиной столетия в России не было недостатка в различных критических выпадах в адрес кантовской трансцендентальной философии и лично Иммануила Канта. Критические ремарки, впрочем, носили различный характер — одни из них были направлены на исправление, другие на расширение, третьи, напротив, на опровержение кантовских тезисов, и высказывались они как теми, кто явно симпатизировал кенигсбергскому философу, так и теми, кто испытывал перед ним страх и ужас. Часть этих критических замечаний была пронизательна и оригинальна, часть — вторична и поверхностна, часть же и вовсе свидетельствовала о невежестве, порой вопиющем, самих критиков. Велик был и тематический разброс критических возражений — они начали раздаваться еще с конца XVIII в. первоначально в адрес кантовской религии в границах одного только разума, затем, уже в начале XIX в., перекинулись на кантовское учение о пространстве и времени, а далее и на этическое учение немецкого философа. К началу XXI в. уже затруднительно найти какие-либо темы в творчестве Канта, которые в России критикой вовсе не были затронуты.

Но все же подавляющее большинство эпизодов полемики с Кантом в России укладывалось в академические рамки, а даже если некоторые из них и выходили за их пределы, нарушая устоявшиеся в научной среде этические нормы (как, например, в обвинениях со стороны архиепископа Никанора (Бровковича) или П.А. Флоренского), то даже и в этих случаях спор с Кантом велся без явных апелляций к власти предрержащим с требованием государственного вмешательства и административных рестрикций.

Однако здесь все же не обошлось без нескольких немаловажных исключений. Первое по времени случилось еще в 1795 г. — это высылка из России за «обнаруженные хульные мысли» о христианской религии первого кантанинца в России, профессора Московского университета И.В.Л. Мельмана,

трагически скончавшегося по дороге на родину¹. Другим эпизодом подобного рода явилась история с присвоением, а затем и отзывом Сталинской премии за «недостатки и ошибки в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.»² третьему тому учебника «История философии» [2] в 1943–1944 гг., в разгар Великой Отечественной войны, при непосредственном участии самого И.В. Сталина.

Наконец, последняя по времени история разыгрывается ныне практически на наших глазах, хотя пока еще преимущественно и в виде фарса. Во время бездумной кампании по переименовыванию российских аэропортов в 2018 г. вице-адмирал И.Т. Мухаметшин — на тот момент начальник штаба Балтийского флота — решительно протестовал против возможного присвоения аэропорту в Храброво близ Калининграда имени Канта. Блеснув своей эрудицией, назвав Елизавету Петровну «внучкой императора», в своей пламенной речи перед офицерами Мухаметшин назвал Канта человеком, «который предал свою родину, который унижался и на коленях ползал, чтобы ему дали кафедру, понимаете, в университете — чтобы он там преподавал, писал какие-то непонятные книги, которые никто из здесь стоящих не читал и никогда читать не будет...»³. К слову, первый перевод Канта на русский язык еще в далеком 1803 г. был осуществлен профессором Черноморского штурманского училища в Николаеве Я.А. Рубаном, напечатан в типографии этого же штурманского училища и посвящен адмиралу Н.С. Мордвинову [3]. Однако есть все основания усомниться в том, что Мухаметшину знакома фамилия царского адмирала, ибо, обвиняя в предательстве Родины «небезызвестного, какого-то там Иммануила Канта», сугубо гражданского человека в донаполеоновской Пруссии, Мухаметшин в мундире с погонями Военно-морского флота Российской Федерации напрочь забыл, что сам давал военную присягу в Советском Союзе, а некоторые его сослуживцы еще до 2014 г. служили на Чёрном море в Военно-морских силах Украины.

Пример Мухаметшина оказался заразительным, и уже губернатор Калининградской области А.А. Алиханов буквально за пару месяцев до празднования трехсотлетия Канта решил посостязаться с вице-адмиралом в невежестве, заявляя, что «Первая мировая началась с работы Канта», а сам философ «имеет прямое отношение к военному конфликту на Украине»⁴. Озвучивая

¹ См. об этом подробнее [1. С. 169–200].

² См.: О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // Большевик. 1944. № 7–8. С. 14–19.

³ «Писал какие-то непонятные книги»: вице-адмирал Балтфлота рассказал морякам о Канте. Режим доступа: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/21287161-pisal-kakie-to-neropnyatnye-knigi-vitse-admiral-baltflota-rasskazal-moryakam-o-kante-video.html> (дата обращения: 27.12.2023).

⁴ Почему Кант — духовный творец современного Запада: доклад губернатора Калининградской области. Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/blogpost/20240212-pochemu-kant-dukhovnyu-tvorets-sovremenno-go-zapada-doklad-gubernatora-kaliningradskoy-oblasti/> (дата обращения: 27.12.2023).

первый тезис, Алиханов не сказал ничего нового, повторяя славянофильские утверждения 1914 г., однако трудно не заметить существенной разницы. В 1914 г. подобные утверждения высказывали философы, не имевшие политической власти, в то время как в 2024 г. это произносят высокопоставленные чиновники, после выступлений которых правительство Калининградской области вынуждено разъяснять, что сказанное «никак не отразится на изучении трудов Канта и никак не скажется на праздновании 300-летия со дня его рождения»⁵. Сам факт обсуждения того, что некие заявления губернатора могут разрешать или запрещать / “отменять” изучение философа, даже не воспринимается как скандал.

Настоящим новаторским “шедевром” современного российского чиновничьего “кантоведения” явилась трактовка Алихановым категорического императива Канта в формулировке про средство и цель (*Zweck*). Опираясь на великий и могучий русский язык, «позволяющий понять двусмысленность этих слов», Алиханов заявил, что формальным соответствием категорическому императиву является рассмотрение людей «как целей» «через свои прицелы». Правда, как должен выглядеть прицел той смертоносной техники, через который Алиханов увидел бы не только своих врагов («в лице всякого другого»), но и самого себя («в своем лице»), он так и не объяснил. Бессмысленно указывать ему и на оригинальное кантовское понятие из категорического императива “*Zweck*” (цель как некое предназначение) [4. S. 429] и его отличия как от “*Ziel*”, так и тем более от алихановского “*Zielscheibe*”. Автор легендарной фразы про русский язык, И. С. Тургенев, давно описал экзегетическую методу Алиханова: «...ученый Кант есть и у нас; только на воротниках инженеров!» [5. С. 386].

В отличие от столь революционной трактовки категорического императива, рассуждения Алиханова о том, что «в современном западном мире и Кант, и его философия оказались захвачены [...] нечистой силой», оказываются вторичными, многократно повторенными перепевами и отсылающими еще к первой крупной кампании административных преследований сторонников кантовской философии в России (после все же единичного случая с Мельманом), начавшейся в 20-е гг. XIX в., а в тлеющем виде продолжавшейся еще несколько десятилетий спустя — я имею в виду кампанию борьбы с кантиански ориентированным естественным правом в российских учебных заведениях. В этом смысле Мухаметшин и Алиханов примеряют на себя роль Рунича и Магницкого в нынешних российских условиях.

Кампания борьбы с кантианским естественным правом в России в 20-е годы XIX века

⁵ В Калининграде заявили, что слова Алиханова о Канте не означают смены отношения к нему. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/19965237> (дата обращения: 27.12.2023).

Хотя само различие естественного права как некоторой совокупности объективных законов природы, регулирующих в том числе и человеческое общество, и искусственных законов, возникающих в результате преднамеренных действий людей и носящих субъективный характер, восходит еще к Древней Греции, своего апогея развитие естественного права достигло все же в Новое время, в XVII–XVIII вв.

В узком смысле слова взгляды Канта на естественное право, фундированное априорными принципами и лежащее в основе позитивного права, сформулированы в первой книге позднего произведения «Метафизика нравов» (1797), имеющей заглавие «Метафизические первоначала учения о праве» [6]. Кроме того, в XX в. получил известность конспект кантовских лекций по естественному праву, читавшихся по латинскому учебнику Г. Ахенваля. В кантоведении данный конспект получил название «Естественное право Файерабенд» [7; 8]. Однако до XXI в. этот конспект в России был практически неизвестен. Наряду с этим, в целом ряде иных работ 80-х и 90-х гг. XVIII в. Кант высказывает идеи, которые по меньшей мере косвенно имеют отношение к естественному праву — «О поговорке: „Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики“», «К вечному миру» и др. Но как ряд сторонников кантианского естественного права, так и практически все его противники в России далеко не ограничивались лишь упомянутыми мною выше кантовскими работами. Более того, пожалуй, главные аргументы против кантианского естественного права его российские противники черпали не из философско-правовых произведений Канта («Метафизика нравов»), а из его философско-религиозных («Религия в границах одного только разума») или этических сочинений («Основоположение к метафизике нравов» или «Критика практического разума»).

Однако естественное право начало преподаваться в российских университетах с самого начала их существования, с середины XVIII в., то есть еще за несколько десятилетий до возникновения критической философии Канта. Первым преподавателем, читавшим курс естественного права, был профессор Московского университета Ф.Г. Дильтей. В начале XIX в. этот предмет было решено преподавать также в гимназиях и военных училищах⁶. Не обходили его вниманием и в семинариях⁷. В 1809 г. необходимость ознакомления с данной дисциплиной возникла и у чиновников, желающих продвинуться по карьерной лестнице до коллежских асессоров, статских советников и выше: для этого кандидаты должны были пройти испытания, среди предметов

⁶ См.: Устав учебных заведений, подведомых Университетам. 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб. : типография В.С. Балашева, ²1875. Ст. 335. § 23; План военного воспитания. 21 марта 1805 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Спб. : типография В.С. Балашева, ²1875. Ст. 405. § 15. № 81.

⁷ См.: *Зацепин И.*, кафедральный прот., Воронежской семинарии префект, учитель философии и физики. Обзорение Философских наук и порядок преподавания оных // РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Ед. хр. 1922. 1817 г. Л. 162–180.

которого, как гласил царский указ, было и правоведение, включающее «основательное познание Права Естественнаго»⁸. Это вызвало потребность как в новых учебниках, так и в публичных курсах.

Александр I подписал свой Высочайший Указ от 6 августа 1809 г. под влиянием М.М. Сперанского. Кстати, сам Сперанский понимал естественное право в разных значениях. Тем не менее, в его рукописях, посвященных естественному праву, трудно усмотреть прямое влияние кантовской философии⁹. В гораздо большей степени идеи естественного права применительно к этике просматриваются в речи экстраординарного профессора философии Казанского университета О.(И.)Е. Срезневского, произнесенной в торжественном собрании университета летом 1817 г. По мысли Срезневского, если принять во внимание разум, свободу и совесть, то для нравственности в целом «довольно для нас сих руководителей» [9. С. 171]. Он цитирует в речи «Критику практического разума» [9. С. 175], а также дает в краткой форме вольное одобрительное изложение системы, основанной на понятии нравственного закона «Канта и других Критических философов» [9. С. 196] (прим.). Эта речь Срезневского привлекла внимание попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого (см. [10. С. 103]), который задался вопросом, для чего же нужна тогда еще и религия Откровения, если и без ее участия хватает руководителей нравственности. В результате уже в 1819 г. Срезневский был уволен из университета, но на этом дело не закончилось.

Естественное право в Казанском университете в эти годы преподавал профессор, а позже и ректор Г.И. Солнцев. Он был учеником прибывшего из Гёттингена профессора И.Хр. Финке, который с 1809 г. до самой смерти преподавал в Казани. Уже после смерти Финке его учебник по естественному праву в переводе Срезневского и Н.М. Алехина был опубликован под редакцией Солнцева. Буквально на первых страницах учебника Финке заявил: «В главных началах я последовал великому Кенигсбергскому Философу, хотя во многих местах от него и отступал» [11. С. II]. Но если учебник Финке и по сей день доступен, то дальнейшая судьба и преследования Солнцева привели в конце концов к тому, что с основными идеями его правоведческого труда можно ознакомиться лишь по вторичным источникам¹⁰. Главным обвинителем

⁸ См.: О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские ассессоры и статские советники. 6 августа 1809 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Спб. : типография В. С. Балашева, 21875. Ст. 586. № 163.

⁹ См.: *Сперанский М.М.* О праве и разных родах его. О состояниях в законе пользы // ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1216. Б. д. Л. 15–16 об.; *Сперанский М.М.* [Обязанность и право] // ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1229. Б. д. Л. 2; *Сперанский М. М.* О праве естественном // ОР РНБ. Ф. 737. Ед. хр. 1266. Б. д. Л. 1, 1 об.–2, 5–5 об., 7 об.

¹⁰ См. отрывки из сочинения Солнцева: [12. С. 100–114]. До революции 1917 года рукопись естественного права Солнцева хранилась в архиве Казанского университета (см. [13. С. IV]). После революции, по информации сотрудника университетской библиотеки Э. И. Амерхановой, она была передана в Национальный архив Республики Татарстан. В отделе рукописей и

Солнцева выступил все тот же Магницкий. Последний был особенно недоволен курсом естественного права, якобы опровергающего основания общества и церкви. Стоит отметить, что если цитируемые в дореволюционной литературе выдержки из курса Солнцева, сделанные Магницким (см. [14. С. 80]; ср. [11. С. 23.] (§ 32), верны, то они свидетельствуют о том, что русский профессор находился под сильным влиянием своего учителя Финке: некоторые положения Солнцева практически дословно повторяют учебник его немецкого предшественника.

В 1822 г. в Казани начался инициированный попечителем университетский суд над профессором Солнцевым из-за его взглядов на право. В материалах обвинения помимо прочего утверждалось, что кроме учения Спасителя Солнцев «допускает другое начало естественного права — какой-то практический разум» [15. С. 528]. В одном из обвинительных вопросов, коих коллега Солнцева, профессор философии М. А. Пальмин¹¹, составил в итоге 217, от Солнцева специально желали узнать, «в коих именно отношениях Кантово определение права — превосходно?» [15. С. 528]. Увлечение Кантом дорого обошлось Солнцеву: по решению суда в 1823 г. он был удален из университета. Досталось в этом решении и кантовской философии: «*Практический разум — подобен тому древнему змию, прельстившему праматерь Еву, а чрез нее и праотца Адама...*» [15. С. 536].

В гонениях на естественное право Магницкий помимо Пальмина опирался также на профессора Казанского университета и его проректора, писателя Г. Н. Городчанинова. Прочитав 15 ноября 1821 г. записку Городчанинова по поводу философии и естественного права, Магницкий написал: «...невозможно соединить света Божия с светильником падшего естества [...] невозможно соединить Кантова практического разума и разделения воли с евангельским учением» [15. С. 474]. В редактируемом самим Городчаниновым «Казанском вестнике» профессор заявил, в духе Магницкого, в статье с красноречивым названием «Мнение Христианина о Праве Естественном»: «...наконец, известный Кант признал источником права сего [естественного. — А.К.] практический разум, а предмет оного внешнюю свободу человека. Но что есть разум, не имеющий основанием Веры?» [17. С. 87]. Чуть позже он разовьет эти идеи в университетской речи 1826 г.: «...бросим краткий и последовательный взор на систему *Канта*, так называемого Преобразователя наук Философских. Он признает какой-то *практический разум* *верховным правилом наших деяний, называет его законодательным и общим источником нравоучения и Естественного права*» [18. С. 101–102]. В этом и состоит заблуждение Канта: «...*падший* разум человеческий, не может быть *верховным правилом* деяний наших; источник прекословий и словопрений не

редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета хранится, однако, 58-страничная работа Солнцева «Лекции права» (шифр 3959).

¹¹ Сведения о том, будто позднее Пальмин в Санкт-Петербургском университете читал практическую философию в духе Канта (см. [16. С. 9, 17, 87]), вызывают большие сомнения.

может быть *источником* нравоучения и Естественного права» [18. С. 103]. О том, как Городчанинов боролся с этими философскими веяниями, показывает университетский каталог лекций на 1825–1826 академический год: в нем сказано, что профессор студентов «занимать будет Теориею Естественного права, в обличительном смысле, по собственному сочинению, одобренному Советом Университета»¹².

Если дальнейшая академическая карьера Срезневского после увольнения из университета так и не сложилась, а под конец жизни он ушел в монастырь, то Солнцев после увольнения из университета в течение двух десятков лет исполнял должность губернского прокурора в Казани. И если основания несогласия с кантиански ориентированным естественным правом со стороны Городчанинова довольно ясно сформулированы им, то разделял ли их в полном мере сам Магницкий? Попечитель Казанского университета усматривал прямую связь между кафедрами и учебниками естественного права и народными бунтами, восстаниями и революциями, приводящими к свержению монархов (см. [19] (Ст. 327))¹³. О личности этого блестящего выпускника благородного пансиона Московского университета и бывшего сподвижника Сперанского имеются разные суждения. Те, кто не разделял идеалов Магницкого, высказывались о нем с истинным сарказмом. Вот какие слова вложил в уста Магницкого в сатирическом произведении «Дом сумасшедших» его ровесник, учившийся вместе с ним в Московском университетском благородном пансионе, литератор и профессор словесности Дерптского университета А.Ф. Воейков:

«Благотворный бы составил
Инквизиции проект;
В масле бы варить заставил
Философов разных сект...» [21. С. 587].

Наряду с обвинениями Магницкого в обскурантизме и мракобесии встречаются также попытки оправдания и обоснования целей его усилий в области образования. Согласно такому толкованию, Магницкий был настроен на достижение благородной цели: заложить в качестве фундамента образования в русских учебных заведениях православие и святоотеческое учение (см., например, [22. С. 238–266]); причем последнее должно вытеснить философию, особенно немецкую, являющуюся ядом для России. Исходя из данной интерпретации, именно по этой причине Магницкий подвергся нападкам со

¹² Каталог преподаваний в Императорском Казанском университете на 1825–1826 академический год. Казань : в Университетской типографии, 1826. С. 1–2.

¹³ Нельзя исключить, что Магницкому была известна записка архиепископа Феофилакта (Ф. Г. Русанова), добившегося в 1809 году удаления из Санкт-Петербургской духовной академии профессора И. А. Фесслера, согласно которой «Кантовой философии цель есть двоякая: „исповреждение “ Христианства и „замещение“ оно не Деизмом, а совершенным Безбожием». Один из пунктов этой записки гласил, будто, согласно кантовской философии, «присяга в верности к Государю есть один суевный обряд» [20. С. 124].

стороны псевдо-прогрессивной либеральной общественности, а также масонских и иллюминатских кругов, добившихся опалы ревностного блюстителя истинной религии.

Отношение к Канту у Магницкого не было однозначно негативным. Именно Канта русский государственный деятель обвинял в «грехах» естественного права. Наука естественного права «всегда была опасна; но когда Кант посадил в претор так называемый им чистый разум, который спросил истину Божию: что есть истина? и вышел вон; тогда наука естественного права сделалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видели в революции французской на самом деле; опаснейшим подменом Евангельскаго Откровения; не опровергает его, но приходит в молчании, начинается с предположения, что его никогда не было; исторгает из руки Божией начальное звено золотой цепи законодательства и бросает его в хаос своих лже-мудрствований и наконец, опровергнув алтарь Христов, наносит святотатственные удары престолам Царей, властям и таинству супружескаго союза; подпиливает в основании сии три столпа, на коих лежит свод общественнаго здания» [23] (Ст. 322).

Но если к Канту Магницкий все же испытывает некоторое почтение, то этого не скажешь о «буйных мечтаниях» протестантских последователей кёнигсбергского философа (см. [24. С. 160]). Деятельность подобных германцев оказывается, по мнению Магницкого, крайне опасна, представляя собой «тлетворный яд» лжеименной философии. Еще больше Магницкий критикует их русских последователей. К ним он относит ряд авторов по естественному праву — таких как А. П. Куницын, а также профессоров философии — таких как профессор Санкт-Петербургского университета П. Д. Лодий. Преподавание русских последователей германской философии Магницкий объясняет помимо прочего «духом иллюминатства», поразившим русские учебные заведения (см. [25. С. 612]). Распространению естественного права и — шире — философии Магницкий давал и богословские толкования, видя в них признаки описанного Иоанном Богословом в «Откровении»: в особенности это относится к 13-ой главе и зверям с рогами, подобным агнчим (см. [14. С. 160]).

Способу преподавания в русских университетах в духе германской философии Магницкий противопоставлял собственные инструкции, согласно которым результатом философского преподавания должно было явиться подведение студентов к следующему началу: «...условная истина, служащая предметом умозрительной Философии, могла заменять истину Христианства до пришествия Спасителя мира; ныне же в воспитании допускается, как полезное токмо упражнение разума, для изошрения сил его к принятию прочих наук человеческих, на философских началах основанных»¹⁴. При правильном

¹⁴ Инструкция директору Казанского Университета. 17 января 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Спб. : типография В. С. Балашева, ²1875. Ст. 1317–1337. Ст. 1327. № 461.

применении кантовская философия могла бы быть полезна и в богоугодном деле: «...там, где чистейший разум человеческий, удивление многих веков, изнемогает и падает, начинается заря веры, и таким образом, по невозможности соединить мудрование человеческое с премудростию Божиею, по крайней мере не будет отвергаема первым последняя...»¹⁵. Вместо этого Кант, а в особенности его русские поклонники, по мнению Магницкого, в ситуации конфликта человеческой и Божественной мудрости делают фатальный выбор в пользу первой, отбрасывая вторую. В отношении Канта Магницкий и Городчанинов вряд ли справедливы, что становится ясно благодаря кантовскому трактату «Религия в границах одного только разума». Тем не менее эта критика не столь уж безосновательна в адрес ряда русских последователей Канта в том смысле, что для них связь кантовских рассуждений о праве, этике и религии осталась незамеченной, а религиозный контекст размышлений Канта — непонятым. Что же касается самого кёнигсбергского философа, то Магницкий видел в нем то положительное свойство, что «Германия, благодаря Канту, пришедшему чрез лабиринт философии к преддверию храма веры, ищет мудрости в одной Библии, — и мы ли одни останемся полвеком назад» [14. С. 41]. Правда, словно демонстрируя неоднозначность собственной позиции, Магницкий как попечитель Казанского учебного округа в 1821 г. поспособствовал опечатованию в библиотеке Симбирской гимназии сочинений Канта на латинском языке (см. [26. С. 263]).

В Санкт-Петербурге параллельно и заодно с Магницким действовал попечитель Санкт-Петербургского университета Д.П. Рунич. Его первой жертвой стал профессор права А.П. Куницын, один из преподавателей А.С. Пушкина. С 1811 г. Куницын преподавал нравственную философию и правоведение в Царскосельском лицее, с 1817 г. — правоведение в Главном Педагогическом институте Санкт-Петербурга, а с 1819 г. — и в Санкт-Петербургском университете. Дело началось с просмотра книги Куницына по естественному праву. В какой мере сочинение Куницына можно считать действительно кантианским? Если не искать опосредованных параллелей, то эксплицитно кантианская фраза встречается у Куницына, пожалуй, в единственном, однако принципиальном, месте: «Ныне Критическая Философия показала точное различие между сими науками [естественным правом и политикой. — *А.К.*] заменив начало благополучия формальным началом разума» [27. С. 11]. Однако и этого немногого было достаточно для того, чтобы вызвать гневную реакцию со стороны Рунича и Магницкого.

Рунич нашел учебник Куницына «сбором пагубных лжемудрствований», повествующим о «каком-то естественном человеке» и «законах какого-то непогрешимого разума» [14. С. 13]. Сочинение представляет собой «святотатственной нападение на божественность Священного откровения, тем более

¹⁵ Инструкция директору Казанского Университета. 17 января 1820 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Спб. : типография В. С. Балашева, ²1875. Ст. 1328.

опасное, что оно покрыто широким плащом философии» [14. С. 15]. По утверждению Рунича, естественное право в подобном изложении дает молодому человеку «оружие», «которое именно устремлено к тому, чтобы всякое сверхъестественное чувство истребить в человеке, представляя отношение Бога к человеку, наоборот, сомнительными, и погасить веру, открывающую тайную, но неразрывную связь вещественного мира с духовным» [14. С. 16]. Поскольку и «Марат был не что иное, как искренний и практический последователь сей науки» [14. С. 13], Рунич вопрошал: «Каким образом допустить учение сие в университетах? На чем основана существенная необходимость вводить в учебных заведениях преподавание сей науки вообще?» [14. С. 16].

Произведение Куницына было найдено противоречащим истинам христианства и настраивающим читателей к ниспровержению государственных и семейных связей, после чего в 1821 г. Куницын был уволен из университета. Более того, по инициативе Рунича сочинение Куницына по естественному праву стали изымать и уничтожать, причем не только в Санкт-Петербурге, но и в Казани (см. [15. С. 488]). Кроме того, было решено затребовать у учебных заведений, преподающих естественное право, прислать печатные или письменные руководства, на основе которых ведется чтение, рассмотреть их и составить единое и стандартное руководство, «основанное на уважении к религии и существующему порядку» [14. С. 18].

В радикальной попытке Рунича запретить преподавание естественного права в России решительно поддержал Магницкий, однако полного запрета им добиться так и не удалось. Отголоски этой кампании докатились даже до Нежинской гимназии высших наук и лицея князя Безбородко, наложив свой отпечаток на судьбу двух будущих известных российских литераторов — Н.В. Кукольника и Н.В. Гоголя-Яновского. За время царствования одного русского царя, Александра I, Кант неожиданно превратился в России из опоры государства и права в подрывателя устоев государства, церкви и семьи. Если систематизировать основные упреки противников кантианского естественного права в России, то они состояли в следующем: во-первых, в отказе от выведения правового фундамента из Откровения; во-вторых, в несоответствии евангельскому учению; в-третьих, в рассмотрении (падшего) разума как независимого источника законодательства; в-четвертых, в проведении границы между моралью и (естественным) правом, истолковываемой как как безнравственность права; в-пятых, сознательное или неосознанное способствование распространению революционных идей, подрывающих самодержавие и православие; наконец, в-шестых, в личном участии российских сторонников естественного права в кантианском духе в масонском и иллюминатском движении.

После неудачи с полным запретом преподавания естественного права в университетах России Магницкий представил в 1823 г. более обширный проект по запрещению преподавания философии как таковой, ибо нет никакого способа «излагать эту науку не только согласно с учением веры, ниже

безвредно для него» [14. С. 168]. Одним из дополнительных аргументов в позиции Магницкого служили волнения в Виленском университете, произошедшие в 1823 г. Проект этот обсуждался в Главном правлении училищ в 1825 г., и благодаря сопротивлению в том числе со стороны А.А. Перовского и И.М. Муравьева-Апостола поддержан не был. Тем не менее некоторые члены правления проект Магницкого поддержали. Среди этой немногочисленной группы был и П.А. Ширинский-Шихматов, будущий министр просвещения. К моменту его вступления в должность в 1850 г. преподавание естественного права в университетах было уже наконец-то приостановлено в 1833 г. до появления одобренного учебника¹⁶. В 1850 г. Ширинский-Шихматов в докладе, тут же утвержденном Николаем I, фактически повторяет свои аргументы четвертьвековой давности о необходимости сведения преподавания философии только лишь к логике и психологии, бросив в дискуссии легендарную фразу: «...польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [28. С. 21].

И если до запрета преподавания философии дело спустя почти два столетия после описанных событий пока еще не дошло, то создание одобренного «одинакового и обязательного для всех» учебника, содержащего в том числе “правильный” взгляд на Канта и его философию, и в который бы «не могло вкрадываться что либо несоответственное», воспоминания слова Г.В.Ф. Гегеля, не действительному и разумному (см. [29. С. 53; 30. S. 14]), но «существующему в Государстве порядку вещей»¹⁷, уже брезжит на горизонте.

Список литературы

- [1] *Круглов А.Н.* Философия Канта в России. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024.
- [2] История философии / под ред. Г.Ф. Александрова, Б.Э. Быховского, М.Б. Митина, П.Ф. Юдина. Т. 3: Философия первой половины XIX века. М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1943.
- [3] Кантово основание для метафизики нравов / пер. с нем. Я.А. Рубана. Николаев : В типографии Черноморского Штурманского Училища, 1803.
- [4] *Kant I.* Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // *Kant's Gesammelte Schriften* / hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IV. Berlin : Georg Reimer, 1911. S. 385–464.
- [5] *Тургенев И.С.* Новь // Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти т. Т. 9. М. : Наука, 1982. С. 133–389.
- [6] *Кант И.* Метафизические первоначала учения о праве // Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлинга. Т. 5.1. М. : Канон+, 2014. С. 19–475.
- [7] *Кант И.* Естественное право Файерабенда. Введение / пер. Л.Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016. Т. 35. № 3. С. 75–81.

¹⁶ См.: О преподавании Естественного Права. 23 апреля 1833 // Журнал министерства народного просвещения. Ч. I. 1834. С. V–VI. С. V–VI.

¹⁷ О преподавании Естественного Права. 23 апреля 1833 // Журнал министерства народного просвещения. Ч. I. 1834. С. VI.

- [8] *Кант И.* Естественное право Файерабенда. Введение (окончание) / пер. Л.Э. Крыштоп // Кантовский сборник. 2016. Т. 35. № 4. С. 55–62.
- [9] *Срезневский И.Е.* О разных системах нравоучения, сравненных по их началам // Вестник Европы / сост. М.Т. Каченовским. 1817. № 19. С. 170–198.
- [10] *Магницкий М.Л.* Отчет по обозрению Казанского университета // Православное просвещение / сост., предисл. А.Ю. Минакова, имен. указ. Е.П. Гришиной, коммент. С.В. Хатунцева, отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. С. 101–136.
- [11] *Финке И.Хр.* Естественное частное, публичное и народное право / пер. с нем. Казань : в Университетской типографии, 1816.
- [12] *Гавриил*, архимандрит (*Воскресенский В.Н.*). История философии. Ч. VI. Казань : в Университетской типографии, 1840.
- [13] *Фельдштейн Г.С.* Гавриил Ильич Солнцев // *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право [Казань, 1820] / под ред. Г.С. Фельдштейна. Ярославль : б.и., 1907. С. I–LXXXI.
- [14] *Феоктистов Е.М.* Магницкий. Спб. : в типографии Кесневила, 1865.
- [15] *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. Т. 3. Казань : Типо-литогр. Имп. Казанского университета, 1904.
- [16] *Никитенко А.В.* Дневник: в 3-х т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1955.
- [17] *Городчанинов Г.Н.* Мнение Християнина о Праве Естественном // Казанский вестник / изд. при Императорском Казанском Университете. 1821. Ч. 2. № 6. С. 65–130, 121–140.
- [18] *Городчанинов Г.Н.* О заблуждениях разума в изыскании истины [Из речи в торжественном Собрании при Казанском Университете 17 января 1826 г.] // Казанский вестник / Изд. при Императорском Казанском Университете. 1826. Ч. 17. № 6. С. 91–103.
- [19] *Магницкий М.Л.* Господину Министру Духовных Дел и Народного Просвещения [кн. А.Н. Голицыну] от 9 мая 1823 г. // Русский архив. 1864. № 3. Ст. 325–329.
- [20] *Феофилакт*, архиепископ (*Русанов Ф.Г.*). О Кантовой философии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1859. Кн. 2. отд. V. С. 124.
- [21] *Воейков А.Ф.* Дом сумасшедших. Сатира. 1814–1838. Спб. : типография В.С. Балашева, 1874.
- [22] *Минаков А.Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж : издательство Воронежского государственного университета, 2011.
- [23] *Магницкий М.Л.* Два мнения попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого // Русский архив. 1864. № 3. Ст. 321–325.
- [24] *Магницкий М.Л.* Речь к Императорскому Казанскому Университету, произнесенная попечителем оного Магницким 15 сентября 1825 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1861. Кн. 4. октябрь–декабрь. С. 160–161.
- [25] [*Магницкий М.Л.*] Два доноса 1831 года / сообщено *Н.К. Шильдером* // Русская старина. 1899. Т. 97. С. 607–631.
- [26] *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. Т. 4. Казань : Типо-литогр. Имп. Казанского университета, 1906.
- [27] *Куницын А.П.* Право естественное. Кн. 1–3. Спб. : типография Иоанессова, 1818.
- [28] *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 11. Спб. : Погодин и Стасюлевич, 1897.

- [29] Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Б.Г. Столпнера, сверка М.И. Левиной / под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсисянца. М. : Мысль, 1990.
- [30] Hegel G.W.F. Grundlinien der Philosophie des Rechts // Gesammelte Werke / hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 14,1. Hamburg : Meiner, 2009. S. 5–282.

References

- [1] Kruglov AN. *Kant's Philosophy in Russia*. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta publ.; 2024. (In Russian).
- [2] Aleksandrov GF, Byhovskij BE, Mitin MB, Yudin PF, editors. *History of Philosophy*. Vol. 3: *Philosophy of the first half of the nineteenth century*. Moscow: OGIZ Gospolitizdat publ.; 1943. (In Russian).
- [3] *Kant's foundation for the metaphysics of morals*. Ruban YaA, transl. Nikolaev: v tipografii Chernomorskogo Shturmanskogo Uchilishcha publ.; 1803. (In Russian).
- [4] Kant I. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*, hrsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Bd. IV. Berlin: Georg Reimer; 1911. S. 385–464.
- [5] Turgenev IS. *Virgin Soil*. In: *Complete Works and Letters*, 30 Vols. Vol. 9. Moscow: Nauka publ.; 1982. P. 133–389. (In Russian).
- [6] Kant I. *Metaphysical Doctrine of Right*. In: Motroshilova NV, Tuschling B, editors. *Works in German and in Russian*. Vol. 5.1. Moscow: Kanon+ publ.; 2014. P. 19–475. (In Russian).
- [7] Kant I. Natural Law Feyerabend. Introduction. *Kantovskij sbornik*. 2016;35(3):75–81. (In Russian).
- [8] Kant I. Natural Law Feyerabend. Introduction (The Ending). *Kantovskij sbornik*. 2016;35(4):55–62. (In Russian).
- [9] Sreznevskij IE. On the different systems of moral teaching, compared according to their beginnings. *Vestnik Evropy*. 1817;(19):170–198. (In Russian).
- [10] Magnickij ML. *Report on the review of Kazan University*. In: *Orthodox enlightenment*. Moscow: Institut ruskoj civilizacii, Rodnaya strana publ.; 2014. P. 101–136. (In Russian).
- [11] Finke IChr. *Natural private, public and popular law*. Kazan': v Universitetskoj tipografii publ.; 1816. (In Russian).
- [12] Gavriil, Archimandrite (Voskresenskij VN). *History of philosophy*. Vol. VI. Kazan': v Universitetskoj tipografii publ.; 1840. (In Russian).
- [13] Fel'dshtejn GS. Gavriil Ilyich Solntsev. In: Solncev GI. *Russian criminal law*. YAroslavl': without a publisher; 1907. P. I–LXXXI. (In Russian).
- [14] Feoktistov EM. *Magnickij*. Saint Petersburg: v tipografii Kesnevilya publ.; 1865. (In Russian).
- [15] Zagoskin NP. *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence*. Vol. 3. Kazan': Tipo-litografiya Imp. Kazanskago un-ta publ.; 1904. (In Russian).
- [16] Nikitenko AV. *The Diary*. 3 Vols. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat publ.; 1955. (In Russian).
- [17] Gorodchaninov GN. A Christian's view of Natural Law. *Kazanskij vestnik*. 1821;2(6):65–130, 121–140. (In Russian).
- [18] Gorodchaninov GN. On the fallacies of reason in the search for truth. *Kazanskij vestnik*. 1826;17(6):91–103. (In Russian).
- [19] Magnickij ML. To the Minister of Spiritual Affairs and Public Education [Prince A. N. Golitsyn] from May 9, 1823. *Russkij arhiv*. 1864;(3):325–329. (In Russian).

- [20] Feofilakt, Archbishop (Rusanov FG). On Kant's Philosophy. *CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih*. 1859;(2):124. (In Russian).
- [21] Voejkov AF. *House of Madmen. Satire. 1814–1838*. Saint Petersburg: tipografiya V. S. Balasheva publ.; 1874. (In Russian).
- [22] Minakov AYu. *Russian conservatism in the first quarter of the 19th century*. Voronezh: izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta publ.; 2011. (In Russian).
- [23] Magnickij ML. Two Opinions of the Trustee of the Kazan Educational District M.L. Magnitsky. *Russkij arhiv*. 1864;(3):321–325. (In Russian).
- [24] Magnickij ML. Speech to the Imperial Kazan University, delivered by its trustee Magnitsky on September 15, 1825. *CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih*. 1861;(4):160–161. (In Russian).
- [25] [Magnickij ML.] Two denunciations from 1831. SHil'der NK, editor. *Russkaya starina*. 1899;(97):607–631. (In Russian).
- [26] Zagoskin NP. *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence*. Vol. 4. Kazan': Tipo-litografiya Imp. Kazanskago un-ta publ.; 1906. (In Russian).
- [27] Kunicyn AP. *Natural Law*. 3 Vols. Saint Petersburg: tipografiya Ioanessova publ., 1818. (In Russian).
- [28] Barsukov NP. *Life and Works of M. P. Pogodin*. Vol. 11. Saint Petersburg: Pogodin i Stasyulevich publ.; 1897. (In Russian).
- [29] Hegel GWF. *Philosophy of Right*. Stolpner BG, Levina MI, transl. Kerimov DA, Nersesjanc VS. editors. Moscow: Mysl' publ.; 1990. (In Russian).
- [30] Hegel GWF. Grundlinien der Philosophie des Rechts. In: *Gesammelte Werke*, hrsg. von der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 14,1. Hamburg: Meiner; 2009. S. 5–282.

Сведения об авторе:

Круглов Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309. SPIN-код: 9564-3591

About the author:

Krouglov Alexei N. — DSc in Philosophy, Professor, Head of Department of History of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309. SPIN-code: 9564-3591